

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталья Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:

*Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: nemanmag@gmail.com

Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: Н. А. Артёмова
Стильредактор: О. В. Козлова

Подписано в печать 07.06.2024. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,34. Тираж 565. Заказ

ОАО «Брестская типография».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/59 от 19.03.2014.
Пр. Машерова, 75Б, 224013, Брест.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2024
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2024
© УП «Мастацкая літаратура», 2024

Владимир Ценунин

ПУЩА

Роман¹

След

Извилистый ручей начинался с почти круглого небольшого родничка, который издали казался голубым глазом под крутым обрывом, заросшим молодым ельником. Узенькой, почти незаметной ленточкой вода бежала к краю леса и небольшим водопадом уходила в травы широкого пойменного луга. Там бег ручейка замедлялся, на заболоченном лугу он становился шире и глубже, а между лозовыми кустами впадал в заросшую лилиями затоку Нарева.

За много лет существования устье ручья сделалось мелководным и широким, а дно сквозь прозрачную воду светилось янтарным песком. Каждую весну в водах ручья нерестились щуки. Бывали дни, когда от их количества вода в ручье будто бы кипела. А летом в ясные теплые дни в тихих затончиках можно было наблюдать за маленькими зелено-голубыми щурятами. Они казались тоненькими карандашиками и стояли неподвижно под наклоненной с берегов осокой, еле заметно шевеля прозрачными плавничками.

Хватало здесь и другой рыбной мелочи. По ручью сновали полосатые окушки и серебряные уклейки. Под травой собирались в маленькие стайки микроскопические плотвички. Их тоненькие миллиметровые темные тельца напоминали семена ромашки, будто нечаянно высыпанные в воду.

Но этой весной все изменилось. Вместе с половодьем сюда откуда-то приплыли бобры. Они досконально исследовали местность, выяснили, что на окраине леса, откуда вытекал ручей, растут осины, и их там довольно много. Бобры, как завзятые лесорубы, начали валить деревья. Через неделю на берегах ручья уже не было ни одной осины — остались только невысокие пни, похожие на зарытые в землю карандаши. Все ветви и даже куски стволов бобры сплавляли по ручью до устья и там по-мастеровому сплетали их и обмазывали илом. В результате получилась дугообразная плотина длиной около сотни метров,

¹ Окончание. Начало в № 5 за 2024 г.

и почти половина луга оказалась под водой. А в конце весны на берегу Нарева появились три серо-черные кучи валежника, похожие на невысокие стожки — бобровые хатки, входы в которые покрывала вода. Бобры каждый день занимались своей плотиной, следили, чтобы уровень воды в озерце, созданном их усилиями, оставался неизменным, но работали только в сумерках или ночью. Днем — прятались от чужих глаз в своих хатках, но утром их можно было застать за работой на окраине леса, увидеть, как стаскивают к ручью заготовленные ветки по тропинкам. Эти тропинки, вытопанные в траве бобриними перепончатыми лапами, были уже заметны издали.

Как-то в начале июня сюда забрел егерь, ответственный за этот квартал пуши. Двигаясь по окраине леса, случайно перешел бобровую тропку. Зверь не был виден из-за высокой травы, которая густо росла в этом месте. Издали егерь заметил, что со стороны леса приближается довольно большая осиновая ветка с листьями. Ветерок как раз дул с той стороны, поэтому бобер не почувствовал запаха человека. Чтобы не пугать животное, егерь спрятался за ближайшим кустом и решил понаблюдать, что будет дальше. Бобер подошел к тому месту, где ему перешли дорогу, бросил ветку и стал внимательно обнюхивать землю, на которой только что стоял человек. Несколько раз поднимался на задние лапы и старательно осматривал окружающую местность, надеясь обнаружить опасность. Но вокруг было спокойно. После очередного обнюхивания следов бобер сел на задние лапы и, как малое дитя, заскулил, старательно утирая мордочку передними лапками. Издали казалось, что он плачет. Около десяти минут продолжал скулить, закрывая глаза лапками, а затем подхватил свою ветку и стал далеко обходить по кругу человеческие следы. Егерь, рассказывая Змитроку об этой неожиданной встрече, поделился, что и сам был не рад, что так обидел бобра!

В конце лета бобры покинули обжитое место. В чем была причина? Неизвестно. Так и осталось загадкой, почему им расхотелось жить на этом берегу. Следующей весной во время половодья ледоход снес осиную плотину. Озерцо, созданное животными, исчезло, и извилистый ручей, как и прежде, понес свои прозрачные воды в Нарев. На лугу остались только три серо-черные кучи валежника, которые когда-то были бобровыми хатками.

Одинец

На берег Нарева в этот раз Змитрок еще в сумерки приехал вместе с другом Жорой на мотоцикле. Над рекой низко плыли серые облака, но ветра и дождя не было. Около кустов роями танцевали комары, они сразу набросились на гостей. Отмахиваясь от надоедливых кровососов, Змитрок размотал удочку и направился до ближайшей затоки. Жора примостился немного дальше, за зарослями камыша.

Клева не было. Поплавки замерли на поверхности воды, вокруг них стали собираться любопытные водомерки. Выкурив сигарету, Змитрок решил поменять место, двинулся вдоль берега, приглядываясь к воде. Под прозрачной поверхностью было множество мальков, но они почему-то стояли неподвижно, прячась под косами зеленой тины. Обычно на этом повороте плескались ельцы

и голавли, охотясь на комаров и мошек, теперь же было необычно тихо. Змитрок завернул на луг, чтобы сократить путь — в этом месте Нарев делал широкий круг, и идти до реки здесь было ближе, чем вдоль берега. Мокрая трава луговины чавкала под ногами — вода заливала берег. Змитроку это помехой не стало: в резиновых сапогах он не боялся промочить ноги.

Наконец впереди показался длинный, заросший травой мыс, который тянулся наискосок течения Нарева, отделяя с левой стороны широкую затоку. В ней вода была спокойной, а с другой стороны вдоль мыса быстро несло течение. Здесь, среди редких лилий, раньше хорошо клевали плотва и окуни. Змитрок размотал удочку, нацепил червяка на крючок и забросил леску почти под другой берег затоки, где было глубже и мало травы на дне. Но и тут поплавок ровно стоял на поверхности. Чтобы отогнать надоедливых комаров, Змитрок, сидя на ведре, закурил. Это не очень помогло. Разгневанный рыбак натянул шапку на уши, наверх набросил капюшон старенькой штормовки, которая у него сохранилась со времен походов в горы, а руки спрятал в карманы.

Время тянулось медленно, погода казалась непредсказуемой. Даже птицы затихли в зарослях лозняка. Змитрок чувствовал, что в атмосфере что-то не ладится с давлением. Неожиданно за его спиной послышались шаги. Чавканье ног по заливному лугу продолжалось около минуты. Рыбак подумал, что это Жора надумался составить ему компанию и неторопливо приближался, ступая по мокрой траве. Неожиданно шаги затихли. Подождав минуту, Змитрок повернулся и остолбенел...

На расстоянии нескольких шагов стоял огромный зубр. Таких одиноких бродяг лесники называют одинцами. Одинец смотрел на человека, будто изучал его, изредка обмахивая хвостом бока, с морды веревкой почти до самой земли тянулась зеленоватая слюна. Зверь и рыбак смотрели друг на друга не шевелясь. В голове Змитрока пульсировала мысль: «Кроме как в реку удирать некуда!» Сердце сильно колотилось в груди. Мышцы на руках и ногах напряглись — Змитрок решил броситься в воду, если зубр сделает к нему хоть шаг... Но великан продолжал стоять на месте и, видимо, не собирался нападать на человека. Противостояние показалось Змитроку вечностью, по вискам покатались струйки холодного пота, они неприятно щекотали кожу, но смахнуть их, пошевелиться он боялся...

Неожиданно с неба посыпались редкие крупные капли, тут же дождь шумно зашуршал в лозовых кустах на противоположном берегу затоки. Зубр повернулся на месте и медленно пошел через луг к зеленой стене пушанского ельника, уже исчезающей за серой завесой дождя.

Змитрок продолжал сидеть на своем ведре. Будто замороженный, смотрел вслед пушанскому великану до той поры, пока зубр не скрылся среди могучих, себе под стать, деревьев.

Дождь ручьями скатывался с шапки за воротник, щекотал плечи, но Змитрок этого словно не замечал.

Клевое место

Змитрок еще с вечера начал готовиться к завтрашней рыбалке. Сложил в рюкзак запасы лески и крючков,

в специальной баночке в боковой карман положил вертких дождевых червей. Проверил удочки и спиннинг. На всякий случай затолкнул свернутый дождевик. Затем подкачал во дворе колеса старенького велосипеда. Как только начало темнеть, наконец вернулся в дом...

Когда зазвенел будильник, небо в окнах чуть брезжило розовым. Петухи еще молчали. Змитрок быстренько перекусил, забросил на плечи рюкзак и осторожно, чтобы не разбудить жену и детей, вышел из дома. На небе не было ни облачка, деревня еще спала — тишина обволакивала простор. Он выкатил из-под поветки велосипед и, не торопясь, поехал в сторону пущи.

Сразу за деревней около красивого маленького домика остановился, чтобы поздороваться со знакомым сторожем, и прошел под длинным полосатым шлагбаумом. Местным документы не требовались, а посторонним заезжать на территорию заповедника было запрещено. Дорога перед Змитроком легла ровная, как стол, грунтовка была насыпана еще в царское время, более ста лет назад, с обеих сторон над нею наклонялись красивые вековые ели и грабы. Велосипед катился легко.

Местами белели обрывки утреннего тумана, птицы только начали просыпаться, но их звонкие голоса уже разлетались эхом по пуще. Вскоре слева развернулись мхи болота, поросшего чахлыми березками и сосенками. Змитрок почувствовал запах багульника и сильнее надавил на педали — знал, что от такого сильного аромата потом будет болеть голова. Вдруг справа из густого ельника стремительно выбежал олень и пронесся через дорогу. Он красиво забросил на спину рога, словно большую золотистую корону, и помчался по моховым купинам болота. Змитрок остановился и смотрел, как олень исчезает вдаль.

Такие встречи с пущанскими красавцами случались каждый раз, когда Змитрок ехал по этой дороге на Нарев. Перед тем, как продолжить свой путь, несколько минут прислушивался, ждал — за оленем на дорогу мог выскочить такой же красавец или какой-нибудь хищник. Но вокруг было тихо, и велосипедист двинулся дальше.

Вскоре впереди показалась широкая пойма Нарева и ветер донес благоухание цветущих медоносов. В вышине кружил одинокий шуляк — так называют пущанцы коршунов. Змитрок слез с велосипеда и пешком направился напрямик через цветочный луг к широкой затоке, которая загадочно сверкала под лучами утреннего солнца.

Оставив велосипед около лозовых кустов, осторожно вошел в заросли пожелтевшего прошлогоднего тростника, который густо укутывал южный берег затоки, добрался до воды и размотал две удочки. Неспешно нацепил червяков и перед тем, как забросить лески, воткнул спереди две рогульки, чтобы не класть удилища в воду. Примостившись на раскладном стульчике, стал ожидать первой поклевки. В этом месте течение было очень медленным, потому что быстрые струи Нарева закручивались ближе к противоположному берегу. Красные головы поплавок неподвижно стояли между зеленых листьев лилий, которыми еще не очень густо заросла затока, кувшинки пока не расцвели. Солнце повисло на вершинах елей, обступивших пойму с восточной стороны. Над водой замелькали голубые стрекозы — подлетали к поплавам и замирали в воздухе, с любопытством разглядывая что-то новое для

них на водной поверхности. Одна осмелилась и села на тонкий маячок левого поплавка. Но в этот момент он неожиданно нырнул под воду и быстренько поплыл к ближайшему листу лилии. Змитрок, увидев поклевку, ловко схватил удочку и сделал подсечку. Удочка выгнулась от упорного сопротивления рыбы, но через мгновение в воздухе затрепетал красный хвост крупной плотвицы.

Неожиданно послышался отчаянный собачий лай. Змитрок, занятый рыбой, не заметил, что к воде на противоположном берегу пришел напиться темно-рыжий самец косули. Он не видел рыбака, пока тот сидел в камыше, а когда сделал взмах удочкой, красавец бросился бежать и от страха завопил что было силы. Голос испуганной косули очень похож на собачий лай, Змитрок этого не знал. Он от неожиданности забыл про рыбу и как замороженный смотрел на противоположный берег: там между кустами, высоко подскакивая в густой траве, убегал рыжий рогатый красавец. Через мгновение он исчез в ближайших зарослях, но его вопль еще долго долетал издалека. Змитрок бросил в садок добычу и снова спрятался в камыше. Но теперь он следил не только за поплавками — краем глаза наблюдал за противоположным берегом.

Через полчаса заметил, что самец косули осторожно возвращается назад, прячась за ближайшим к берегу кустом лозы и вытянув шею, внимательно всматривается в стену зеленых стеблей, за которой замаскировался Змитрок. Любопытство превозмогало страх. Когда все же он заметил рыбака, снова бросился удирать. Но на этот раз уже не кричал. Может, это любопытство животного и привело к тому, что к концу XX почти все косули в Беларуси были уничтожены.

Солнышко уже припекло затылок, при этом, вопреки ожиданиям, клев улучшился. Змитрок не успевал управляться с двумя удочками и одну вытаскивал из воды и отложил в сторону. На крючок ловились по большей части плотвички, но попадались и среднего размера густерки, и полосатые окуни. Ближе к полудню клюнул лещ. Крупная рыба потащила удочку так, что леска зазвенела. Змитрок заволновался, что она не выдержит, но умело стал сдерживать своего противника, заставляя его устать окончательно. Через несколько минут борьбы лещ показал над поверхностью воды широко раскрытый желто-розовый рот, несколько раз глотнул воздух и лег на бок, позволив подтянуть себя к берегу. Змитрок осторожно подхватил рыбину под жабры и вытаскивал на сухое место. Пленник удивленно вращал большим глазом, будто хотел понять, где он и почему здесь оказался. Бока леща покрывала желтая с коричневым отливом чешуя, каждая чешуйка — величиной с пятикопеечную монету, на черной спине нервно пульсировал большой острый плавник. Змитрок поднял свою добычу на руки, чтобы опустить в садок и почувствовал, что в этом экземпляре не менее двух килограммов веса.

После шумной борьбы с лещом клев прекратился. Больше, чем на час поплавки замерли между круглых листьев лилий. Стало жарко, солнце остановилось в зените. Змитрок возвращался домой — улов был отменным, и продолжать рыбалку не имело никакого смысла. Он снова крутил педали, ощущая на вспотевшей спине приятную тяжесть добычи. Через час показался знакомый полосатый шлагбаум, а за ним в зелени садов пряталась деревня, которая становилась для Змитрока почти родной.

Людмила КЕБИЧ

ЗДЕСЬ НА ВСЕХ ХВАТИТ ПЕСЕН И ХЛЕБА...

НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ

Не вижу смысла бить посуду
и плакать истово, навзрыд,
ведь знаю — не случится чуда,
жалеть никто не прибежит.

Не вижу смысла унижаться
перед коварным наглецом,
и артистично улыбаться,
когда тебе хамят в лицо.

Не вижу смысла за толпою
идти, желанью вопреки,
чтоб только не попасть в изгои —
мол, не подаст сосед руки.

Да, в этом мире нашем людном
нам не со всеми по пути.
Но есть смысл в деле многотрудном —
не потерять себя — найти.

* * *

Не нужны мне ни деньги, ни слава,
только б знать, что есть лепта моя
в процветании нашей державы,
где взрослеют мои сыновья.

Где всегда будет мирное небо,
где гостей привечают с утра,

где на всех хватит песен и хлеба,
солнца, счастья, любви и добра.

ТРИОЛЕТ

О, Господи! Когда ты есть любовь,
то воспылай в пустой душе поэта,
твоим огнем хочу я быть согрета,
о, Господи, когда ты есть любовь.

И дай мне наслаждаться вновь и вновь
божественностью ночи, сутью света.
О, Господи, когда ты есть любовь,
то воспылай в пустой душе поэта.

МОНАХ

Шел по улице монах
в черном облаченье,
нисходило от него
дивное свеченье.

Из-под шапки-колпака —
волосы седые,
а глаза-то, а глаза —
звезды золотые.

На лице его — печать,
солнечные блики,
будто знает он секрет
или смысл великий.

Оттого и счастлив он,
чист душой и светел,
что Господь его призвал,
в юности приметил.

Дал суть истины познать,
тайну смысла жизни:
только Господу служить
весь свой век до тризны.

Он уверенно идет
избранной дорогой,
знает — путь его ведет
на эклогу с Богом.

Максим ИВАНОВ

ПОСРЕДИНЕ ЛЕТА

Цикл рассказов под одним названием

1

Как в мировой истории — чем ближе к нашим временам, тем гуще бегут событие за событием, эпохи умещаются не в тысячи, а в десятки лет, — так прежде размеренная жизнь Антона в последние месяцы обрела такую скорость и насыщенность, о какой он раньше и подумать не мог. Ему не было еще двадцати, когда он разом решил прекратить свои растянувшиеся на полтора года любовные мучения, причиной которых были одновременно две женщины, и, хотя недавно без этих мучений и жизнь была не жизнь, вдруг почувствовал себя былинным богатырем, вставшим с печи. Стояла поздняя осень, подмораживало, сутками висел туман, а у Антона в душе цвела весна: девушки вдруг стали ему улыбаться, на факультете начались какие-то особенно интересные, полезные для его литературных занятий лекции. А главное — он перестал сочинять стихи от безысходности: писал теперь от восторга перед каждой встреченной мелочью, от трепета перед ожиданием разгадки какой-то важной тайны, которая неожиданно зажглась впереди. В начале декабря ребята с параллельного потока пригласили его выступить на поэтическом вечере в актовом зале. «Куда тебя занесло? — сказал ему однокурсник, когда все закончилось. — Это же какой-то детский сад!» Антон с трудом воспринимал стихи на слух — и не мог оценить выступления других чтецов, а если и заметил кое-что, то откуда же он мог знать, что все так повернется? Через пару дней в университетской газете вышла разгромная статья. «Белой вороной в компании комичных графоманов выглядел Антон N» (он прочел свою фамилию). А еще через пару дней тот же однокурсник по секрету открыл ему, что в одном из лекционных залов будет проводиться вечер *настоящей* поэзии и Антона там ждут.

Этот однокурсник, в отличие от Антона, жил в общежитии и с кем только ни общался, а в последнее время сошелся с аспирантами — представителями какого-то очень уж одаренного потока, собравшего в своих рядах целый букет поэтов и переводчиков. Антон не был еще знаком с их работами и, когда ему дали прочесть стихотворение, написанное от руки на тетрадном листке, был

просто поражен прочитанным. Это был перевод из Йейтса, сделанный одной знакомой однокурсника... И в назначенный час, подходя к лекционному залу, он разволновался не на шутку, хотя его и позвали пока не читать, а только послушать. Зал был полон народу, и он прижался к стене, поближе к углу. Вот прошел и сел на специально придержанное для него место в среднем ряду невысокий старик болезненного вида, то и дело кашлявший.

— Легендарная личность! — шепнул Антону однокурсник. — Ким Бадеев. Потом объясню, кто это.

Выступавших было немного — всего человек семь-восемь, — и читали они по-настоящему классные тексты, так что вечер, длившийся часа два с перекурком, пролетел как яркая короткая опера. Больше всего запомнились Антону аспиранты Константин Макеев и Андрей Ходотович. Когда выступления закончились, долго еще кучковались в коридоре, и однокурсник познакомил Антона кое с кем из «богемы». Макеев был редактором литературного альманаха и неожиданно предложил Антону у них напечататься... А еще через пару недель, на вечер перед католическим Рождеством, назначены были «камерные» поэтические посиделки для студентов двух семинаров — зарубежной и русской поэзии, куда приглашены были еще несколько аспирантов и преподавателей. И многих из тех, с кем Антон познакомился в кулуарах Вечера Настоящей Поэзии, он встретил опять.

В кабинете одной из кафедр филфака сдвинули столы, вывалили на них конфеты и печенье, разлили по чашкам чай, потушили свет и зажгли свечи. Взгляд доцента Алины Вениаминовны, отразив пламя свечей, обрел какую-то исступленную задумчивость, и она нараспев прочла одно из рождественских стихотворений Бродского. Затем все стали читать свои стихи и переводы стихов, причем, как в конкурсе «Песня года», первыми выступали осторожные новички, за ними — все более уверенные в себе авторы, вооруженные признанием прежних достижений. Наконец, открыл свою тетрадь переводов из Эзры Паунда пятикурсник Боря Агеев. Честно говоря, Антон, как ни настраивался, не мог понять, что это за стихи такие — ни рифмы, ни ритма, какое-то бормотание. Но у Бори были такие одухотворенные глаза, слушали его с таким вниманием, что и Антон подчинился общему настрою и решил, что нужно на эти тексты *посмотреть*. Как и на Вечере Настоящей Поэзии, предпоследним выступал Ходотович: выпрямившись во весь рост, высокий, не по-белорусски черноволосый, но с мясисто-белорусскими чертами лица, уверенно зашагал по краю бритвы, сочетая изысканные аллюзии с издевательствами по всем адресам, так что не многим удавалось рассмотреть запрятанную в виртуозных пассажах трагедию. Венчал вечер Макеев. Развалясь на стуле, в распахнутом пиджаке, придававшем его фигуре форму могучего квадрата, с запугивающей интонацией ворочал он искрящимися ледяными глыбами, читая быстро и много, так что к середине выступления никто уже не воспринимал никакого смысла — одну автоматическую укладку строк.

Антон читал в середине очереди. Когда назвали его имя, за окном огромными хлопьями повалил снег (как иногда специально рисуют в кино), и загадочность этой картины передалась и голосу Антона, и всему его настроению. Он подошел к этому выступлению еще ответственнее, чем к прошлому, — выбрал для него всего три стихотворения.

Федор ГУРИНОВИЧ
ФРОНТОВОЙ
МОТЫЛЕК...

БОЙ

Такой был бой, такой был шквал огня,
Что плавилась тяжелая броня!
И низом тучи дымные ползли,
И комья мерзлой глинистой земли
Взлетали к небесам и тут, и там,
Как будто непрерывно бил вулкан.
И розово-коричневая мгла
Засыпала безмолвные тела
На той, на безымянной, высоте...
А каждый воин страстно жить хотел,
Мечтал вернуться в милые края...
О, Родина-страдалица моя,
И сколько ж схоронила ты солдат!..
Не потому ль твой затуманен взгляд?

ПОСЛЕ БОЯ

Во время боя клин озимой ржи
До основанья вытоптали танки.
Не верилось: солдат остался жив
В тисках смертельной, яростной атаки.

На дол горячий мутная слеза
Сползла по стебельку, вьюнком обвитом.
И были горя полные глаза
Солдата за друзей своих убитых.

Сквозь рванный дым он глянул на восток,
В оранжевое зарево одетый...
И тлел сожженный кривенький росток,
Как будто огонек над сигаретой.

Татьяна ЦВИРКО

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Рассказы

УЧАСТЬ

Дрожащие пальцы Ивана никак не справлялись с пробкой. Даже капельки пота на носу выступили.

— Вот зараза! Чтоб тебя, — непроизвольно поднес ко рту бутылку, хотел помочь зубами.

Ан нет! Не поддается «беленькая»! Взял со спинки стульчика полинялое синее полотенце, замотал им пробку и предпринял еще одну попытку.

— Фу! Открылась, утешительница!

Иван, высокий, широкоплечий, в растянутом донельзя голубом свитере, побитом в нескольких местах на мелкие дырочки, набулькал себе в рюмку грамм сто водки и залпом опрокинул в рот.

— Потекла...

Молодой мужчина отер влажной ладонью губы, почувствовал, как огненный комок опустился в желудок. По телу растеклось приятное тепло. Присел на стул. В этой заброшенной бабушкиной хатине и на зуб положить-то нечего. Сорвал вчера у крыльца гроздь винограда, позднего, подгнившие-подсохшего, им и закусил. Прерывистым громким урчанием тут же напомнил о себе живот.

— Че разурчался! С голодухи и ягодке радуйся. Ща яблочко разрежу, лежит на веранде краснобоких парочка.

Третий день Иван обживает бабкину старую хатенку в неперспективной деревне неподалеку от леса. Такой вот подарок достался от старушки. Хата-то — одно название, еще прадед строил. Но лежат тугим клубочком в душе Ивана детские воспоминания. Иногда разматывается клубочек, и тянется ниточка из мыслей Ванятки — так бабушка его называла...

— Бабушка-а! Прости! Я больше никогда не бу-у-ду-у...

— Да полно-то слезы лить! Это жадность виновата. Она, плешивая, тебя в лесу приманила, на бабушкино «ау» запрещала откликаться. Шептала тебе: «Твои грибы, сам бери, никому не говори!» А грибы-то выкинул. Зачем?

— Страшно стало, когда заплутал... Это я со зла. На себя.

Андрей СКОРИНКИН

КНИГА ЖИЗНИ ТОНЬШЕ ГОД ОТ ГОДА...

В АЛЬБОМ

Ты посмотри, как озеро блестит,
Как небо первозданно голубеет!..
Куда же ты, взволнованный пиит,
Стремишь свой бег? Что над тобой довлеет?

Куда бежишь от этой красоты?
Зачем бежишь, не ведая покоя?
Неужто до сих пор не можешь ты
Забуть про наше время роковое?..

* * *

Светило отходит к ночлегу,
Туман затаился в лого,
Душистым усыпаны снегом
Сады на родном берегу.

А там — за густыми садами,
Вдали от бетонных дорог,
Земля разродилась цветами,
Легко выдыхая парок.

Для жизни настало приволье,
Воскресли былые мечты,
А я с неразгаданной болью
Смотрю на деревья, цветы...

В тревогах безумного мира
Живое дороже, родней.

Валерий КВИЛОРИЯ

ПТИЦЫ НАШЕГО ЛЕТА

Миниатюры

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Западная Грузия. Гурия. Родина моего отца Тамаза Валерьяновича. Ночь. Спальня на втором этаже отцовского дома. Подо мной на холмистой равнине широко раскинулось село Шрома. На русском это звучит как «труд». Село Труд. А раньше, больше века тому назад, оно называлось Михаэль-Габриэль.

Ночь, но заснуть невозможно. За окном лают собаки, и притом так виртуозно, что любо-дорого послушать. Начинает под окном пес Мацука.

— Гав! Гав! — лает он отрывисто и замолкает.

— Гав! Гав! — подхватывает эстафету соседская собака и тоже замолкает.

— Гав! Гав! — доносится со следующего двора.

И этот отрывистый, обрывистый лай, словно волна, катится через все село, переваливаясь через холмы, заросшие грушами, яблонями, персиками, апельсинами, мандаринами, лимонами, хурмой, лавровыми и конфетными деревьями. И, наконец, где-то совсем у горизонта, на далеком взгорье с могучими эвкалиптами, доносится последнее, а вернее, крайнее «Гав! Гав!». Затем волна катится назад.

«Удивительно, — думаю я, — до чего изобретательные собаки! И ведь никто не гавкнет не в свою очередь и лишнего звука не обронит». И уже сквозь дрему слышу: собачья волна вернулась к отцовскому дому. И вновь завел свое Мацука. Но странное дело: он лает, а я понимаю, словно говорит пес на человеческом языке.

— Гав, гав! — говорит он. — Здравствуй, мама!

— Здравствуй, мама! — выводит его сосед, передавая по эстафете.

И несется собачье приветствие волной к горизонту. Бьется о вершушки эвкалиптов, прерывается на мгновение и катится назад.

— Гав, гав! — идет обратно. — Нет твоей мамы!

— Нет мамы!

— Нет! — докатилось до Мацуки.

Неждана ОКРИК

НЕСУЩАЯ СВЕТ

Рассказы

ПОПЛАЧЬ, ПОЛЫНЬ-ТРАВА...

Самым живописным местом в нашей деревне считался Бабий луг. Ранней весной, когда по речке плыли угловатые ледяные глыбы, его всегда заливала вода, а после паводка здесь росла сочная трава, которая полюбилась местным коровам. После занятий в школе многие мои одноклассницы бежали на луг и, собирая первые одуванчики, мастерили в сбитой дернине гербарий из свежих полевых цветов, покрывали его стеклышком. В этой шумной гурьбе была и я. Ох как бранился на нас пастух, завидя в траве яркие стекляшки!

— Ишь что удумали! — кричал, разгоняя нас кнутом. — Это где же такое видано, чтобы в земле, под самые коровьи копыта, зарывали стекло? Вот я вам!.. — долго грозился пастух, глядя вслед убегающей ватаге.

Детство моё... А как мы с Алешкой ликовали, когда отец, несмотря на свою занятость, надумал свозить нас в город на первомайский праздник!

— На День Победы будет интересней, — говорил он матери, опершись локтем на дверной откос, — но надо успеть огород засеять, да и картошку побросать бы, пока в почве влага есть...

Помню свое платье — розовое в крупный горошек. Мне нравилось в нем кружиться — юбочка поднималась, развевалась волнами вокруг моей тоненькой талии и, словно увлеченная единой мелодией, прилипала к ногам сразу же после остановки. Именно в этом наряде я и отправилась в город.

Держась за крепкую папину руку, резво вышагивала я в первомайской колонне, а Лешка, вплотную прижавшись к голове отца, гордо восседал на его плечах. Казалось, не было ничего лучше и интересней этого праздника. Повсюду слышались радостные голоса, смех, всеобщее ликование увлекало, звучали песни под баян... Но, несмотря на восторг, которым мы с Алешкой упивались, присутствие в этом новом и таинственном мире оставило во мне какое-то давящее, необъяснимое для детского понимания чувство. Леша был тогда еще дошкольником, мало что понимал, да и присматриваться сверху вниз ему

было ни к чему, а перед моими глазами происходили события, долгое время будоражившие сознание.

В тот солнечный и почти безветренный день я видела, как на асфальт, точно чем-то подкошенные, падали люди. Толпа тут же расступалась и, как весенний ручей, плавно обтекая встретившееся на своем пути небольшое препятствие, двигалась дальше. В этом сумбурном потоке слышался зов о помощи, откуда-то издали, словно из поднебесной, доносились звуки сирены скорой помощи, и упавших женщин тут же уносили. Другие люди, вовремя пришедшие в себя, неторопливо поднимались и, выбравшись из толпы, куда-то исчезали.

— Беременных в этом году много, — кто-то сказал за моей спиной.

Следом за этим комментарием послышался басистый хохот, затем грубые непонятные слова и перешептывание.

Праздничное шествие скоро завершилось, но мы еще долго бродили по городу, катались на каруселях и лакомились сахарной ватой. Ближе к вечеру у нас с Алешкой крепко пересохло во рту. Появилось такое ощущение, будто мы вместо сахарной ваты насытились горькой полынью. Долгое время вкус той горечи оставался во рту.

Вскоре нашу деревню всколыхнуло странное известие. Повсюду слышались разговоры о какой-то зоне отчуждения, ходили слухи о массовом переселении, из соседних дворов доносился плач и тревожные разговоры о некоей радиации. В это время куда-то исчез отец и еще несколько крепких деревенских мужиков. Помнится, Лешка, обеспокоенный отсутствием отца, изводил маму вопросами, а она, и без того взвинченная всеми этими слухами, отмахиваясь от детской назойливости, молча паковала вещи.

Помню плач бабушки. Она стояла у старой березы над оврагом и, опираясь о свою клюку, рыдая, что-то приговаривала. В тот день нас с Алешкой долго искала мать, а мы, вдоволь полакомившись придорожной земляникой, лежали в овраге и тихо перешептывались, наблюдали за бабушкой.

— Может, у бабушки болит зуб? — внезапно сказал Леша.

Услышав его рассуждения, я долго и безудержно смеялась: зубов у нее давно не было. Это, пожалуй, был последний мой восторженный смех за долгие последующие годы.

По возвращении отца мы переехали в маленький городок. Больше всего переезд мне запомнился тем, что мама лихорадочно собирала вещи, укладывая каждую рюшечку к своей половинке, тщательно паковала заготовленные соленья и маринады, долго в чем-то убеждала бабушку. Все ее старания оказались напрасными: бабушка скончалась в ночь перед самым нашим отъездом, а на пункте пропуска нам разрешили взять с собой только самое необходимое.

Через год умер отец, ему было всего тридцать два года. Помню, как на его похоронах люди говорили о возрасте Христа и о том, что мой папа попадет прямо в рай. Мама долго рыдала над могилой, а потом украдкой от нас с Лешкой ходила на кладбище и что-то говорила там отцу, лежащему под землей. И только ближе к двадцати годам я узнала, что наш отец был ликвидатором аварии на Чернобыльской атомной станции, что он, как и те, кто не дожил в тот год до Дня Победы, сутками пропадал на четвертом энергоблоке.

Очень сильно переживал Леша. К тому времени он начал осознавать боль потери близкого человека, часто плакал, разглядывая отцовские вещи, тайком бегал за матерью на

кладбище, вздрагивал при упоминании имени папы. В подростковом возрасте Алексей облысел. Врачи говорили, что он, возможно, попал под кислотный дождь, разводили руками и, тихо вздыхая, успокаивали обеспокоенную мать. И действительно, все обошлось, но Лешу долгое время терзали детские воспоминания об одном мальчике, его друге по больничной палате, который умер от радиоактивного облучения. Умер еще ребенком, так и не познав жизнь, не изведав всех ее красок, не поняв предназначения своей крохотной судьбы.

Волна безвременных утрат потревожила многие семьи. Казалось бы, жить и жить человеку: только родился, только заимел семью и увидел первенца, и вдруг узнаем — нет его больше. Многие мои одноклассники так и не смогли создать полноценную семью, страшные диагнозы меняли семейные отношения, становились приговором для многих молодых женщин. Радиация виновата или сами люди способствовали повальному хаосу — это уже не важно. Бесспорно одно: жизнь продолжается, и каждый человек, испытав хотя бы раз физическую или душевную боль, по закону выживания приобретает особенную стойкость.

Безусловно, страдания, выпавшие на долю нашего поколения, несравнимы с жертвами военных лихолетий. И все же остается неопровержимым факт: наше поколение испытало боль потерь от невидимого врага, от которого невозможно спрятаться в подвале или укрыться в кроне деревьев. Этот невидимый враг беспощаден ко всему живому, и ему не важно, кто жертва: ребенок, старик, женщина или чиновник самого высокого ранга...

В этом году скончалась мама. Она долго болела, часто вспоминала отца, свои молодые годы, с особенным трепетом говорила о нашем с Лешкой детстве. Последняя ее просьба показалась нам с Алексеем каким-то надуманным капризом и одновременно приговором. Она просила похоронить ее на старом заброшенном кладбище возле бабушки. Мы с братом очень сопротивлялись, приводили кучу доводов — мать стояла на своем. Но пришло время, и мы исполнили последнюю ее волю.

«Вот и все, — думала я, глядя на полновесные взмахи штыковой лопаты. — Нет больше нашего прошлого, нет того задорного смеха, и никогда не повторится детство, которое до конца своих дней дарила нам наша мама...»

Обратная дорога лежала через заброшенную деревню. Жуткое зрелище предстало перед глазами: развалины домов, вросшие в землю высохшие ветки плодовых деревьев, какой-то везде проникающий запах гнили и, точно пустынные барханы, огромные гребни сухой травы с выступающими метровыми стеблями. Все это казалось миражом, жуткой иллюстрацией художника-фантаста, полотном, которое хотелось тут же сорвать и предать огню...

Мне уже за сорок. Промелькнуло детство, пролетела юность — от них остались одни воспоминания. Вот и сейчас, после долгой погребальной церемонии, изрядно утомившись от дороги, я ступила на ту землю, что некогда называлась Бабьим лугом, и, взглянув на простирающуюся передо мной ширь, в благоговении замерла. Широким бархатистым ковром у моих ног раскинулась степная трава, тяжелый запах полыни будто ударил, и тут же из глаз потекли слезы.

Где-то вдалеке, как будто это происходило сейчас, послышались знакомые детские голоса, заскрипела старая подвода деда Семена и... запахло парным молоком. «Вечереет», — подумала я, проводя ладонью по кустам

разросшейся полыни. И она, словно почувствовав мою печаль, облачилась в крохотные капельки росы, сравнимые разве что с чистой детской слезой.

— Поплачь, — прошептала я. — Поплачь вместе со мной, поплачь всей своей горечью. Поплачь так, — рыдала я, — как плакали матери, провожая своих детей в последний путь. Поплачь...

Мне уже неважно, каким будет завтрашний день, — самое страшное для меня осталось позади. И в преддверии нового дня, как и много лет назад, мы были вместе с Алексеем. И я подумала: как хорошо, что мы есть друг у друга, — это все, что осталось нам в наследство.

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ВОЙНЫ

У самого перекрестка остановился рейсовый автобус. Здесь не было никаких опознавательных знаков, только полевая дорога, местами поросшая полынью, уходила за горизонт. С автобуса сошел мужчина лет семидесяти, закинул за спину рюкзак и, махнув рукой водителю, неторопливо зашагал по земляным выбоинам гравийки. Стройный, чисто выбритый, с четко отглаженными стрелками брюк и до блеска начищенной обувью, на первый взгляд он ничем не отличался от горожанина, но походка все же выдавала в нем крестьянскую породу...

Из воспоминаний Рэбовой Марии Филипповны, жившей во время Великой Отечественной войны в деревне Темный Лес Дрибинского района:

«Когда началась война, мне было семнадцать лет. В нашей деревне вся молодежь ходила на железнодорожную станцию встречать и провожать поезда. В тот день шло два поезда: один на Кричев, второй на Оршу. С поезда, точно не помню с какого, вышла женщина с взъерошенными волосами и съехавшим набок платком. Она кричала: «Война! Война!» Тогда мы не поняли, какая война и с кем. И только на завтра по радио объявили, что на нас напала Германия. Вскоре над деревней закружили самолеты и начали бомбить...»

«Мне уже ничего не страшно, — размышлял Максим Никифорович, шагая вперед. — Я дожил до того момента, когда, просыпаясь рано утром, больше не можешь сомкнуть глаз в ожидании сладкой утренней дремоты; когда сон сам по себе кажется пустой тратой времени, а просыпаясь, наперед знаешь обо всех ждущих тебя событиях. Дожил до того дня, когда молодежь уже не воспринимает как своего, а старики смеются над твоей молодостью; когда душа рвется в полет, а летать с тобой уже никто не желает; когда хочется бегать и прыгать от радости под первым снегом или проливным дождем, но в тебе уже нет того задора, тех сил... Ты искренне радуешься успехам людей и так же честно завидуешь их победам, ты хвалишь других, но с таким же рвением осуждаешь свое время, не давшее возможностей. Но... мне все-таки повезло. Многие мои сверстники полегли здесь, в этой земле, они так и остались юнцами, не познавшими жизни. Как та девочка, казавшаяся мне такой красивой...»

Ирина КНЯЗЕВА

Автомобиль, время и Василь Быков

Импровизационно-технологическое эссе о жизни и творчестве

Об этом эссе можно сказать: дружеский шарж. И сначала может показаться, что такое жанровое определение не очень подходит суровой писательской фигуре Василя Быкова. Но потом в голову приходит и его опыт художника, и то, что первый сборник Василя Быкова был выпущен в библиотеке журнала «Вожык». Он назывался «Ход конем». Что ж... Конем или автомобилем — дело техники... Мне захотелось, чтобы свидетель стольких событий из жизни Василя Быкова заговорил. Пусть это будет «Ход автомобилем» в сторону обретенного рая...

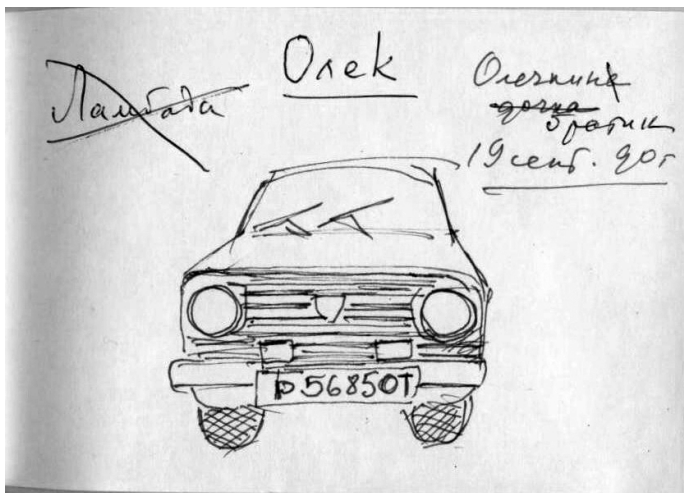
Витебщина, Ушачи, Бычки. Везу хозяина в Бычки, на родину... Хозяин — Василь Владимирович Быков. Интересно, что родная его деревня носит такое нежное шаловливо-бодливое название — Бычки. Он — Быков, деревня — Бычки, забавно, не правда ли? Давно уже судьба унесла его из этих мест, а он ими всегда живет, его туда все время тянет. Вот и едем, раз тянет...

А меня «тянет» мой двигатель, и писатель Быков мной управляет. Я — Олек, так он меня называет, а я, собственно, ГАЗ-24, «Волга». До меня возить писателя посчастливилось моей старшей сестричке Олечке. Олечка — тоже ГАЗ-24. Ну, как вы, наверное, поняли: Олечка, то есть Ольга — от «Волга». Василь Владимирович любит игру слов и любит давать имена своим автомобилям. И еще есть у меня совсем дальний родственник — «жигули», ВАЗ 2103,

но я о нем ничего не знаю. Кстати, когда Быков меня приобрел, то сначала дал мне странное имя — Ламбада, это такой был тогда модный хит. А я был красивый, новый и блестящий — просто Ламбада — ни дать, ни взять. Только хозяин мой мудрый и проницательный, заметил, что я хоть и «Волга», но все же, в первую очередь — ГАЗ, то есть мужик, и переименовал в Олека, как бы в честь старшей Олечки... По душе писателю ГАЗ-24. Не могу отказать ему во вкусе. Да и не только. Он мне тоже по душе... если можно такое допустить. Я — железка. Но мне, железке, такими родными стали его руки...

Он сел за руль на новенькое мое сиденье, и мы с ним сразу стали одним целым — таким кентавром: его мозг — мой руль, его ноги — мои педали, его глаза — мои фары. Но больше всего меня греют его руки. Знаете, железо — оно и не то чтоб совсем железо. Точно помню: все, что ремонтировалось, менялось, перебиралось у меня, — все его руками. Вот так! Я — часть его жизни, да-да, он сам так и говорил, что за четверть века отдал автомобилю едва ли не более сил и эмоций, чем литературе. Кстати, «автор» и «автомобиль» произрастают от одного и того же корня. «Авто» по-древнегречески αὐτός, то есть САМ, а mobilis — это уже латынь — подвижный, скорый. То

есть «сам в движении». Автомобиль — сам в движении, правда, направление и скорость от него не зависят. Но главное — САМ. Он есть. Вот, Бог — имя его «Сущий», или «Аз есмь». Такая планка — как вам? Аз есмь — и спишь спокойно... и потом будет замечательно. А если я не есмь? Меня нет — это что ж такое? Как с этим? Невыносимо! Меня нет. Хм. Порой, чтоб провозгласить «я есть», иным не остается ничего, кроме как выбрать насилие и злобу. Сделал, убил — и «аз есмь». Да-да... И в то же время мы все в одном времени, собственно. Вероятно, будет некогда «и времени больше не стало». Только когда это? Сейчас мы в одних вибрациях, в одном времени — и последний злодей, и невинный агнец...

Главная тема аварской литературы — судьба народа

С Магомедом Магомедовым, аварским писателем, литературоведом, доктором филологических наук, председателем аварской секции Союза писателей Дагестана, мы познакомились в Минске, когда в дни 100-летия Расула Гамзатова проводили творческий вечер классика и круглый стол, посвященный белорусско-дагестанским литературным связям. Наша встреча и послужила началом диалога с Магомедом Ибрагимовичем о современных проблемах в развитии художественной литературы, о дагестанской и вообще российской литературной, книгоиздательской действительности...

— Формирование современной аварской национальной литературы относится к 1920—1930-м. Но был и художественный опыт конца XIX — начала XX веков. Все созданное в те времена — уже забытая история или традиции, которые помнят, на которые опираются в поисках и современные писатели?

— Аварская литература XX века — эпоха выдающихся писателей, создавших собственные художественные течения, стили и способы письма. Начало прошлого столетия — золотой период в истории нашей литературы. До Октябрьской революции аварская литература, благодаря мусульманской религии, имела и письменность, и связь с восточной литературой. Поэтому в ней заметно развитие традиции восточной классической литературы (Фирдоуси, Низами, Хайям, Джамини, Сараи, Гали, Навои), а также прослеживается влияние восточных фольклорных памятников («Книга тысячи и одной ночи», сказания о Ходже Насреддине и др.).

Аварская литература после 1917 года развивалась в общем русле многонациональной советской литературы. В первые годы советской власти создаются определенные условия для оживления духовной и культурной жизни аварцев: аварский язык стал государственным, росло количество переводов с русского и западноевропейских языков и т. д. В 20—30-е годы XX века аварская литература соединила в себе художественный опыт народов Востока и опыт литературы России и Запада. Писатели этого периода научились не только осознавать то, что происходит в окружающем героя мире, но и рассуждать о том, как человек соотносит с этим свои поступки, выражает свое понимание происходящего. Эта тенденция весьма ярко проявлялась в творчестве Гамзата Цадасы, Загида Гаджиева, Раджаба Динмагомаева, Шихабудина Микаилова и др., которые, описывая нравы, социальный уклад, особенности быта, обычаи народа, изображали колорит эпохи.

Аварская литература сегодня — живой организм в развитии. Она ищет все новые пути отражения действительности, объединяя в этих поисках и традиции, и новаторство.

Татьяна СИДОРОВА

В память о счастливом имени

О юбилейных гоголевских торжествах в Минске

Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня и потомки <...>, с глазами влажными от слез, произнесут примирение моей тени.

Н. В. Гоголь

«Мы с вами делаем общее дело, имеем одну цель, служим одному Хозяину», — с такими словами обратился к семинаристам Троице-Сергиевой лавры Николай Васильевич Гоголь, родившийся 215 лет назад — 1 апреля 1809 года. Он приехал в лавру 1 октября 1851 года, незадолго до своей кончины, помолиться у мощей преподобного Сергия Радонежского и появился перед семинаристами благодаря своему другу и единственному на то время человеку, который поддержал и понял переход писателя на христианский путь творчества. Речь идет об архимандрите Феодоре (Александре Бухарева) и его сочувственном обзоре «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году».

Гоголевское творчество эмблематично своей загадочностью, глубиной и тесной связанностью с личностью творца. «Я иду вперед — идет и сочинение, я остановился — нейдет и сочинение», — писал Гоголь Николаю Языкову в 1844 году.

Все творчество Гоголя — это история его души. Каждый этап — своеобразное выражение определенного периода его духовного становления. И феномен актуальности творчества писателя заключается в универсальности его гения, которая тоже в какой-то мере привита к «пушкинской отзывчивости», но развита вширь и вглубь, возвышаясь к общечеловеческому.

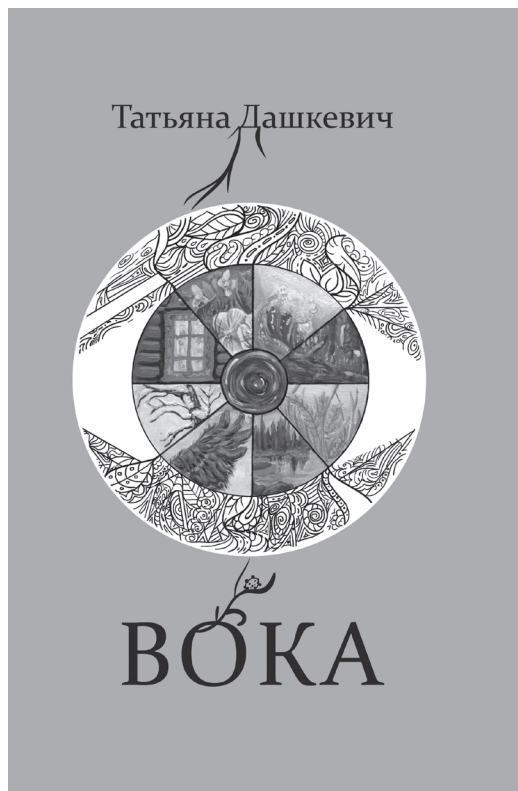
Эта многогранность творчества и личная включенность автора в создаваемые художественные миры делает его интересным и притягательным для читателей и специалистов и сегодня. В этой связи на 215-летие со дня рождения Гоголя культурная общественность Минска откликнулась серией мероприятий.

Так, 12 февраля в литературно-просветительском клубе «Башня» — совместном проекте кафедры русской литературы БГУ (модератор Татьяна Сидорова) и прихода храма Святой Равноапостольной Марии Магдалины г. Минска (иерей Антоний Козлов) — студенты и аспиранты филологического факультета БГУ, а также прихожане храма обсудили таинственную ночь с 11 на 12 февраля 1852 года и обстоятельства, предшествовавшие сожжению Гоголем 2-го тома «Мертвых душ». Знаменательно, что это заседание клуба совпало со временем Великого поста. Известно, что Гоголь начал готовиться к смерти еще на Масленой неделе и как истый христианин строгим постом и молитвой хотел подойти к таинству своего ухода. Наконец, именно от духовных лиц — священника Матвея Константиновского, митрополита Филарета (Дроздова) и др. — он искал поддержки и принятия грандиозного замысла своей поэмы: «Показать ясно, как день, пути и дороги ко Христу для каждого». Эта встреча в «Башне» стала достойным приношением памяти последним земным дням жизни писателя.

Анатолий ЗЭКОВ

Интеллигентные герои,
интеллигентная проза

Рецензия на книгу Татьяны Дашкевич «Вока»

«Название книги Татьяны Дашкевич «Вока» («Мастацкая літаратура», 2024) хоть и омонимично слову «глаз» по-белорусски, но значит совсем другое. Так, мыча, называла своего сына героиня повести. А потом и он сам сократил имя Вовка до Вока. Это трогательная история короткой и удивительной жизни необычного деревенского мальчишки. С трагическим концом — нелепой гибелью на железнодорожной станции.

Повествование ведется от лица городской девчонки Лёли, которая проводила каникулы в деревне у бабушки. Там она однажды познакомилась и подружилась с Вокой. Дружба с местными девчонками не приносила Лёле радости, а вот с Вокой ей было по-настоящему интересно. Тот, правда, не стремился посвящать девочку во все свои мальчишеские тайны, но тем заманчивее было, когда он уходил в лес, тайком наблюдать за ним.

Вока был поистине лесным мальчиком. Он знал, что в лесу его любят звери, птицы, насекомые, деревья, растения... И любят, пожалуй, куда больше, чем люди. Вока разговаривал с лесными обитателями, улыбался цветам, прикладывал ухо к деревьям, что-то шептал им. От мальчика не убежали стремительно, как от других, ящерицы. Вока мог забраться в муравейник или волчью нору и сидеть там часами. А мог спрятаться в дупло дуба-великана.

Повесть «Вока» притягивает и увлекает своим захватывающим сюжетом. Прочитав одну историю, хочется поскорее узнать, что же дальше, а иногда и вернуться на несколько страниц назад, что-то перечитать. Повесть вполне может претендовать на самостоятельную иллюстрированную книгу для подростков и даже, осмелюсь сказать, на экранизацию. Кстати, забегаю вперед, добавлю, что многие рассказы Татьяны Дашкевич могли бы лечь в основу короткометражных, а при дальнейшей разработке и полнометражных художественных фильмов, настолько динамично развиваются в них события — поистине как в кино.

Вадим САЛЕЕВ

Театральный телемост через полпланеты

Во второй раз в конце ноября 2023 года в Полоцке прошел театральный фестиваль «УМОЎНО». Фестиваль позиционирует себя как смотр любительских театров. Но некоторые из них показали такой высокий класс, что театральную терминологию и определение «непрофессиональные» хотелось бы скорректировать. В общем, прошлогодний фестиваль удался во всех отношениях. А кроме того, отличался изюминкой — в рамках «УМОЎНО» прошел театральный телемост между городами Муданьцзян (Китайская Народная Республика) и Полоцком. Казалось бы, что это удивительное сотрудничество неравных партнеров — китайский город насчитывает несколько миллионов, наш Полоцк все подбирается к 100 тысячам жителей. Но по отношению к одному из древнейших видов искусства — театру, эти два далеких города оказались удивительно схожи и близки.

Телемост стал доброй традицией фестиваля — первый провели в 2022 году. В этот раз среди экспертов выступили: заслуженный работник культуры Российской Федерации, режиссер, заведующая Кабинетом любительских театров Российской Федерации, генеральный секретарь Российского центра Международной Ассоциации любительских театров Алла Зорина (г. Москва, Россия); доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель культуры Республики Беларусь, критик Вадим Салеев; художественный руководитель и режиссер Камерного драматического театра «Левендаль» (г. Санкт-Петербург, Россия) Искандер Сакаев. Кроме того, в подмогу нам были приглашены и представители молодого поколения — режиссер Центра белорусской драматургии Алена Змитер и редактор Центра, критик Евгения Бачило. Муданьцзян представляли заместитель начальника Канцелярии иностранных дел города Пэн Сюй Дун, известный актер и режиссер Чжэнь Вэйфен, приглашенный профессор Муданьцзянского педагогического университета, актер Ян Фусин, сотрудники канцелярии иностранных дел Муданьцзяна.

После обмена приветствиями от официальных лиц началось непосредственное действие театрального телемоста. Эксперты посмотрели презентационные ролики спектаклей. Китайская сторона представила видео с отрывками спектаклей Муданьцзянского Большого театра. Он был построен в 2012 году, начал работу в 2014-м, а в 2016-м состоялось первое представление — «Лебединое озеро». Размеры этого культурного учреждения, конечно же, впечатляют: он располагается на 30 тысячах кв. метров и включает в себя оперный зал, концертный зал, зал для демонстрации кинофильмов и конференц-зал.

В китайских спектаклях хочется отметить поиск новых форм взаимодействия со зрителями, необычные световые решения, яркую хореографию, интерес к исторической теме.

Белорусскую сторону представляли спектакли Республиканского театра белорусской драматургии — «Шлюб з ветрам» (режиссер Евгений Корняг) и «Карней» по произведениям Владимира Короткевича (режиссер Алена

Змитер). Отмечу, что предметом обсуждения на телемосте стали спектакли профессиональных театральных коллективов. Для обеих сторон важно было представить работы, связанные с национальной традицией.

И РТБД идеально справился с этой задачей. Вспомнить хотя бы, как наша народная артистка Татьяна Мархель в «Шлюбе з ветрам» поет, хор подхватывает, а невеста в белом подвенечном платье устремляется навстречу судьбе... Режиссер этого спектакля Евгений Корняг мыслит точно, идейно (в этом сошлись все эксперты — и китайские, и отечественные). Он сумел тонко выразить чувства белорусской женщины через довольно жесткий хореографический рисунок и своеобразную метафорику.

Затем последовали выступления экспертов из КНР и Беларуси на тему «Новые формы театра на примере спектаклей Муданьцзянского Большого театра и Республиканского театра белорусской драматургии». И белорусы, и китайцы отметили особую роль музыки и сценографии в спектаклях Муданьцзянского театра, интересную методику, благодаря которой создается характерная коллективная энергетика в спектаклях китайского Большого театра. Что касается белорусских спектаклей, то была отмечена особая пластика наших актеров, тонкие особенности режиссуры Евгения Корняга.

А теперь о самом фестивале «УМОЎНО-2023». В этот раз он показался мне не таким ярким и многоплановым, как в предыдущий. Во многом это связано с тем, что хозяева-полочане представили на открытии фестиваля только один спектакль — все тот же «Радзівіл» народного театра исторического костюма «Полацкі Зьвяз». Нет, он все так же хранит свое обаяние: впечатляет Анастасия Мозго в главной роли Барбары Радзивилл, по-прежнему колоритны братья Радзивиллы — Рыжий (Дм. Атаманов) и Черный (А. Максимчук), среди женских персонажей выделяется жена Сигизмунда I Старого Бона Сфорца (А. Устинович). И спектакль, благодаря точной режиссуре Евгении Ковалёвой сохраняет цельности и стильность (чему, и в самом деле, способствуют аутентичные костюмы, реконструкция исторических танцев). Но, как писал известный поэт, все же, все же...

Почему на этот раз в фестивале не приняли участие ни легендарный полоцкий народный театр «Пилигрим», ни один из полоцких детских театров — «Пилигримчик» и «Гармония»? Да и присутствие столицы оказалось не столь значимым — трудно чем-либо заменить отсутствие «Театра на Немиге» и Театра документа Анны Сулимы Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Конечно, важно отметить яркие фестивальные показы. Например, моноспектакль «Спасти камер-юнкера Пушкина» московского театра камерных и моноспекталей «МоноЛик». Актер и режиссер Сергей Иванов на протяжении трех часов цепко держал внимание зрителей. Минимально организованная сценография была оформлена довольно стильно: акцентом стал бюст Пушкина, который активно использовался в сценическом пространстве. «Спасти камер-юнкера Пушкина» — простая история мальчика, учившегося в школе имени великого поэта и получившего на этой почве психологическую травму. «Ты что, Пушкина не любишь?» — этот вопрос преследовал героя всю жизнь, не только в школе.

Спектакль «Час Тартюфа» Народного молодежного театра «Колесо» из Витебска (режиссер Владислава Цвики) запомнился броским энергичным началом, главная роль в котором отводилась сценографии.

ЦЕНУНИН Владимир Ефимович. Родился в 1954 году в деревне Ботвиновка Кричевского района Могилевской области. Окончил исторический факультет Могилевского педагогического института. Автор ряда книг поэзии и прозы. Лауреат нескольких республиканских и международных литературных премий и фестивалей бардовской песни. Живет в городе Вилейка Минской области.

КЕБИЧ (Войтулевич) Людмила Антоновна. Родилась в 1951 году в городском поселке Красносельский Волковысского района Гродненской области. Закончила Молодечненское музыкальное училище по специальности «теория музыки» и факультет русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Поэтесса, прозаик, переводчик. Автор более двадцати книг поэзии и прозы, а также песенных сборников. Пишет и исполняет песни на собственные стихи. Награждена медалью Франциска Скорины. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение года» и других республиканских и международных конкурсов. Председатель Гродненского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Живет в Гродно.

ИВАНОВ Максим Сергеевич. Родился в 1976 году в городе Минске. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Прозаик. Печатался в республиканских периодических изданиях. Автор книги «Концерт по заявке неизвестного». Живет в Минске.

ГУРИНОВИЧ Федор Федорович. Родился в 1950 году в деревне Кривичи Солигорского района Минской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор ряда книг поэзии и прозы. Лауреат Литературной премии имени Янки Мавра. Живет в Солигорске.

ЦВИРКО Татьяна Константиновна. Родилась в 1967 году в деревне Рассветная Клецкого района Минской области. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, поэт-песенник. Автор книг поэзии «Ясачка долі маёй», «Вершам прарасту...», прозы «Слодыч мяты — горыч палыну» и др. Лауреат литературных премий и конкурсов. Живет в Клецке.

СКОРИНКИН Андрей Владимирович. Родился в 1962 году в городе Минске. Окончил Белорусский государственный университет, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Автор множества поэтических книг и музыкальных альбомов. Лауреат Республиканской литературной премии «Золотой Купидон» и других республиканских и международных премий и конкурсов. Награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Минске.

КВИЛОРИЯ Валерий Тамазович. Родился в 1962 году в городе Херсоне (Украина). Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, детский писатель. Автор более сорока книг поэзии, прозы, сказок. Лауреат республиканских и международных литературных премий и конкурсов. Живет в Минске.

Неждана ОКРИК (Ласточкина Светлана Ильинична). Родилась в 1976 году в деревне Темный Лес Могилевской области. Окончила географический факультет Белорусского государственного университета. Кандидат сельскохозяйственных наук. Автор ряда книг стихов и прозы. Живет в городе Горки Могилевской области.